

A romantic scene in a forest. A man and a woman are sitting on the ground, looking at each other. The woman has long, wavy blonde hair and is wearing a white t-shirt and blue jeans. The man has dark hair and is wearing a brown vest over a white shirt and dark pants. A vibrant rainbow arches over them in the background, set against a backdrop of tall trees and soft, glowing light. The overall mood is magical and romantic.

Элина Амори

A circular icon containing a broom and a spoon crossed at their handles.

Попаданка
на болоте и маг

(МУЖ) НА ЧАС

Элина Амори

Попаданка на болоте и маг (муж) на час

<https://litres.ru/74206709>

Аннотация

Я устала от упреков родителей, ни во что не ставившего меня мужа и бесконечного потока пациентов в поликлинике. Поэтому, когда агент межмировой канцелярии предложил новую жизнь в другом мире, я согласилась. Вот только он накосячил и «наградил» меня проклятием альтруизма, превратив в служанку для каждого встречного. Теперь я обязана помогать всем, кто нуждается, и не могу отказать ни в одной просьбе.

Я сбежала подальше от людей на болота. Но не успела обустроиться и начать спокойно варить магическое зелье, как на мою голову свалилась новая проблема — раненый красавчик с темным прошлым и явной тягой к саморазрушению. Я хочу поскорее вылечить его и выпроводить восвояси, пока он не понял, как пользоваться моим проклятьем. Но, кажется, он совсем не собирается уходить! P. S: Помогите!

Ограничение 18+ из-за специализации героини (превращать дедулин самогон в волшебное зелье) хотя несколько пикантных сцен все же имеется

В книге есть:

элементы юмора элементы драмы постепенное развитие отношений предательство семьей тяжелое прошлое героя очень нежные и треперные отношения налаживание быта двумя неумехами исцеление любовью

Книга вошла в шорт-лит победителей конкурса Чай с корицей: а еще выходит ПЕЧАТНАЯ версия в издательстве Руграм! найти книгу можно на странице обо мне в пунте "сайты":

Книга вышла в рамках литмоба "Попаданка познаётся в быту"
Больше книг по ссылке

ПиСи:дорогие мои, спасибо вам огромное за подарочки! Я не всегда успеваю написать благодарность в комментариях, но я вижу каждый и каждому очень благодарна!

Содержание

Глава 1. Кто хочет поработать?	5
Глава 1.2 Визуалы	14
О мобе	17
Глава 2. Черная полоса	18
Глава 3. Предательство	23
Визуалы 2	35
Глава 4. Помогите кто-нибудь!	36
Глава 5. Что ей нужно?	46
Глава 6. Муж на час	55
Глава 7. Доставка на дом	63
Глава 8. Прелести уличного душа в лесу	72
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Глава 1. Кто хочет поработать?

Ну что ж, приплыли. Это конец, полная безнадега.

Я посреди лесной глуши, руки и одежда перепачканы кровью, сердце колотится в груди, как сбрендивший попугай в клетке. На моих руках умирает молодой симпатичный мужик, и я, увы, ничегошеньки не могу сделать. Но дело даже не в этом — я понятия не имею, кто этот бедолага. Дело в другом...

— Что со мной будет? — ору я на рыжего парня, который болтается в воздухе, как воздушный шарик. Представитель агентства БДСМ. К сожалению не такого БДСМ, о котором можно подумать сходу, а, провались он пропадом, агент из Бюро Долгосрочного Сохранения Магии.

Он заявился ко мне в поликлинику в разгар приема, зашел «только спросить», ну и в общем-то на этом моя привычная, пусть и унылая жизнь вывернулась наизнанку. По его словам, мне предначертано спасать людей в другом мире, где магия испарилась по какой-то таинственной причине. Агент даровал мне магическую способность и швырнул сюда прямиком из кабинета.

Однако, как он выразился, *кое-что пошло не так*, и теперь я пожинаю плоды его некомпетентности. На мне висит проклятье помогать каждому, кто нуждается, и каждому, кто попросит! Вот только не всем можно помочь!

— Этот мужик умрет! — продолжаю вопить я, сверля взглядом летающего раздолбая. — Умирает на моих руках! И я не виновата! Не я его изрезала и стрелами истыкала! Я не смогу исполнить волю проклятья. Что со мной будет, а?

Швыряю в БДСМщика мотком ниток из корзины.

— М-м-м... дай-ка подумать, — ловко уворачивается он, продолжая висеть в воздухе. — Возможно, твое сердце остановится... Я не совсем уверен.

В груди больно сжимается — не то нервы, не то сердечный приступ. И меня накрывает решимость. Если уж и подышать, то на глазах этого бездаря. Может быть, хотя бы совестно станет. Хотя о чем это я, какая у него может быть совесть? В любом случае, пусть смотрит: моя смерть на его руках!

— Ну тогда зря притащил меня сюда. — Я вырываю торчащее из груди раненого древко стрелы.

Бедолага стонет, хрипит, хватает меня за бедро, да так сильно, что я невольно вскрикиваю с ним в унисон. Все плохо. Это конец. Но я все равно прижимаю руки к ране, сцепив зубы. Все еще надеюсь непонятно на что... Боль в груди усиливается. Прости, парень, мне правда жаль, что не могу тебя спасти. И похоже, мы уйдем вместе, как второстепенные персонажи бестолкового фильма.

А теперь все по порядку, ведь буквально вчера все еще было сносно.

Когда я была маленькой, да что уж... когда подросла и

училась в вузе, даже когда начала работать, я порой на полном серьезе думала: вот бы обладать какой-нибудь суперспособностью. Даже самой крошечной, микроскопической.

Например, наводить порядок в доме одним движением руки, запоминать информацию наизусть, прочитав текст лишь единожды, уметь задерживать автобус силой мысли, или делать так, чтобы все пациенты выздоровели и пошли домой, ну и всякое такое.

И что думаете? Вселенная услышала меня? Да! Услышала! Вот только будто слушала не ушами, а каким-то совершенно другим местом.

— Идем, Евалия! — подгоняет меня пожилая Карна. Это на здешний лад Ева Алексеевна. Я, когда очутилась посреди деревни в своем белом халате и с фонендоскопом на шее, по привычке представилась по имени отчеству столпившемуся вокруг меня народу. Они не поняли и тут же переиначили по-своему.

— Что ж ты тащишься как улитка по меду? — продолжает ворчать Карна.

Сварливая местная бабка, которая взяла меня под крыло, когда меня закинуло вопреки всем законам логики в чужой мир. Впрочем низкий ей поклон и благодарность от всей души, — помогла мне тут освоиться. Правда на все сто процентов быть ей благодарной я не могу.

Вздыхаю и поправляю на плечах две тяжеленные сумки, едва не согнувшись пополам. На выходе с рынка к нам при-

соединяется соседка.

— Ой, Еваля! — радостно мурлычет она, увидев меня.
— И мне помоги, пожалуйста, спина отваливается.

Я улыбаюсь, хотя, скорее, скалюсь. Вот старые гримзы, — думаю я и взваливаю на плечи третью котомку. Втроем мы бредем из городишка вдоль кукурузного поля в сторону нашего поселения приблизительно в километре пути. Они налегке и веселые, а я навьюченная продуктами и злющая как голодная гиена.

— Какая славная девочка, моему внуку бы такую в жены!
— нисколько не стесняясь меня заявляет соседка.

— Стара она для него! — фыркает Карна. — Он только в возраст вошел, а дочке моей названной скоро третий десяток!

— Какой скоро?! Четыре года до трех десятков. Подходит еще! Может, правда договоримся? Ты внучику моему свою приживалку, а я тебе корову?

Я только вздыхаю. Круто. Корова, значит, моя цена.

— Ишь ты, бестия, — злится моя названная «матушка». Любит она меня прилюдно доченькой называть. Кичится своим благородством, мол какая она добренькая. — И что я с коровой твоей делать буду?

Так они и спорят всю дорогу, вышагивая налегке, а я тащусь под грузом продуктов без возможности отказаться, согнувшись в три погибели и считая шаги до дома. Спасибо безмозглому дурню, проклятому агенту БДСМ, удружил так

удружил!

К перепалкам с соседкой я привыкла и уже не обращаю внимания. Но вот дома нас поджидает проблема посерьезней — у забора стоит, поигрывая складным ножиком, Феликс. Эдакий местный крутой парень — рубашка нараспашку, штанишки в обтяжку. Я скрипнула зубами. Уж кого-кого, а его видеть совсем не хочется.

— Здравствуй, Карна, — машет рукой он и открывает для нас калитку в плетеной изгороди. Вот только если бабку мою пропускает, то мне преграждает рукой проход. — И тебе привет, Евалия. Помоги-ка пояс завязать, милая. Рука не поворачивается.

Феликс усмехается и протягивает кожаный потасканный пояс. Я сбрасываю с плеч противные котомки и беру пояс. Приходится обнять проходимца, чтобы повязать его рубашу, невольно прижаться к его груди плечом. А он и рад, приобнимает меня за талию, окутывая мускусным запахом. Я дергаюсь.

— А не поможешь мне расслабиться, ягодка? — довольно усмехается он, а у меня по телу точно разряд пробегает. Теперь нет у меня «не хочу» или «не буду». Есть только: да, конечно, безусловно. Самое большое: подождите минуточку. Ну или извернуться как-нибудь от просьбы, не нарушив. Было бы неплохо, если бы на негативные просьбы оно тоже работало, вроде: пни меня, смотри, у меня лицо так и просит пощечину. Но, увы — в этом мне отказали.

— Массаж могу сделать расслабляющий и баньку стопить, — пытаюсь схитрить я, а у самой в груди аж клокочет от ярости. Как же хочется послать его во всех направлениях да еще и за волосы оттаскать как следует! Но проклятье буквально терзает меня изнутри, заставляя делать то, о чем просят. Да никакие магические способности того не стоят!

— Можно и массаж ко всему прочему, — продолжает Феликс, перебирая своими нахальными пальцами мне по талии, отчего у меня по спине от отвращения ползут мурашки. — Мой дружок, знаешь, как тоскует по влажной и горячей...

— А ну руки прочь! — Бабка бьет его клюкой промеж лопаток. Феликс вскрикивает, а я отбегаю от него и с облегчением вздыхаю. Спасибо ей, если бы не она, не представляю, в кого бы я превратилась. — Пошел отсюда!

— Ну, Карна, те че, жалко что ли?

— Ишь, удумал, развратник, пошел, говорю! — замахивается вновь, Феликс отскакивает и чешет щетинистый подбородок. Его и без того узкие глазки щурятся, превращаясь в хитрые щелочки.

— Ладно, Карна, попробуем по-другому, — бурчит он, а потом расплывается в довольной улыбке, машет рукой и отправляется восвояси.

Я провожаю взглядом его широкую спину, мысленно желая Феликсу подхватить где-нибудь амнезию и напрочь забыть сюда дорогу, и в особенности меня.

Карна с нежностью гладит мою руку.

— Ишь хитрые, хотят забрать у меня такую чудесную девочку, — мурлычет она ласково, затем ее голос меняется на деловой: — Поди дров наколи, я пока поесть нам сделаю.

— Да, Карна. — Я вздыхаю и ползу из последних сил вслед за ней на задний двор, прихватив котомки. Повезло так повезло. — Ну скажи, может, есть у вас маги какие-нибудь? Не могу так жить, ну правда!

Карна хмурит морщинистый лоб.

— Эх, милочка, ушла магия из нашего мира. Раньше каждый второй что-то да умел, я вот хозяйство вела. Веник у меня сам убирался, пугало птиц отгоняло. Эх, да много чего могла такого простого. А теперь... Удивительно, что у тебя магия сохранилась, милочка. Может быть, конечно, еще где-то и встретишь мага, но сама подумай. — Карна щурится. — Тебе в люди выйти без моей помощи придется. Эдак каждый помыкать тобой начнет, далеко ли уйдешь? Я ж жалею тебя, бедолажку.

Вздыхаю, оставляю котомки перед входом в летнюю кухню, а сама плетусь дальше, где валяется гора свеженьких березовых поленьев.

— Дровишки аккуратно сложи. И воды натаškai заодно из колодца! — кричит Карна вдогонку, отчего я вздрагиваю и скриплю зубами. Ага, жалеет она меня, как же. Ездит как на ломовой лошади.

Освобождаюсь поздно, уставшая едва переставляю ноги,

руки опять в мозолях, спина колом стоит. Хочу спать и есть. Желательно одновременно. И даже плевать, что не мылась, прямо тут рядом с дровами бы и легла!

Карна сама выходит меня встречать. Хлебом-солью, как говорится. Довольная, работу мою оценивает, бурчит, какая я неумеха, а у самой аж глазки светятся. Еще бы. Утром я эти дрова по соседкам понесу, а они ей монет дадут. Жадная старуха! А у меня руки-ноги отваливаются. Если бы не мои волшебные способности, я б ножки давным давно протянула.

— Лесничий наш, бедолага, — сетует Карна, раскладывая по тарелкам наваристую похлебку с крапивой. Уже приготовлены кружки с молоком и ароматный свежеиспеченный хлеб. У меня слюни текут едва ли не как у мопса. — Помер на прошлой неделе. А на место лесничего никто не хочет, мол до деревни далеко, кругом болото, звери лютые бродят, нечисть лесная. Конечно, стар он был уже, ничего не делал кроме самогона своего. Хотя и того жаль, добрый самогон варил, отменный.

Карна причмокивает, будто вспоминая. А у меня по спине мурашки. Терпеть не могу крепкий алкоголь. То ли дело винишко.

— Ну да что делать, — продолжает Карна. — Мало где остались лесничие. Без магии в одиночку в лесу не проживешь. Но спокойнее было даже с дряхлым стариком.

— Тот худенький и седой, кому мы пироги носили? —

уточняю я, вспоминая лесную сторожку, покосившуюся во все стороны, и ее жителей: старичка, его огромного пса по кличке Лохмач и табун кур, счет которым он давно не вел.

— Ага. Нашли в лесу ближе к деревне. Видать, плохо стало, брел, да не добрел.

Жаль, больше не сходить к нему в гости, веселый дедок был, много забавных историй рассказывал. Мысленно сочувствую одинокому лесничему и наконец накидываюсь на ужин. Вот только ем я недолго. За окном слышится жалобное мяуканье.

— Ишь, окаянный! — ворчит Карна. — Залез на липу, а слезать боится. Опять просидит ночь, проорет.

— О, нет, — шепчу я, ощутив в груди тревогу и жгучее желание срочно отправиться на помощь коту.

Глава 1.2 Визуалы

Не только просить меня надо, иногда просьба бывает молчаливой. Стоит увидеть существо в беде, я ощущаю себя обязанной помочь, и не могу ни поступить, ни подумать против. Даже если существу эта помощь и не требуется. Как будто внутренняя установка стоит, как у робота: я буду помогать!

Меня будто само собой отрывает от стула.

— Ох, да куда же ты! Слезет, когда жрать захочет!

Я бы хотела остановиться. Эка невидаль — кошка на дереве, но нет... Ноги едва не сами несут меня прочь с летней кухни.

Гребанное проклятье гребанного агента БДСМ! Похоже в какой-то степени я действительно «развлекаюсь» довольно извращенным образом. Вот только я не из тех, кто любит жесточе.

В потемках обдираю все руки, едва не валюсь пару раз, а этот пушистый засранец дожидается, когда я подберусь поближе, пробегает по веточке и прыг на сарай! Зато меня отпускает, и я потихоньку слезаю.

А тем временем небо темнеет, на деревню опускаются сумерки, а моя еда остывает. Впрочем, главное, чтобы не пропала, а то как-то было дело: мой обед сожрал песель, пока я бегала помогать очередному несчастному.

Я бреду к летней кухне, отряхивая руки о передник и размышляя, как мне быть дальше и что делать со своей жизнью, как слышу голоса из окошка: к моей бабке кто-то пришел в гости.

Но не мое это дело, лучше ни с кем лишний раз не пересекаться, пока вся деревня не узнала о моей «суперспособности». Крадусь под окнами, чтобы гость меня случайно не заметил.

— А ежели обрюхатится?! — ворчит Карна, и я невольно замираю под окном, не понимая, о чем речь.

— Так и что? — раздается знакомый бас Феликса. — Жениюсь, как и полагается. Ты подумай сама: еще кто-то прознает, уведет девчонку! А ты ничего и не поимеешь. Я тоже мог бы увести, да уважаю тебя, оттого откуп и даю. Пока за ночи с приживалкой твоей, уж больно мне любопытно, как она станет выполнять все мои пожелания.

— Ах ты ж развратник, — хихикает бабка, а меня точно током дергает, в горле пересыхает. Это ж что творится?

Слышится звон монет о стол.

— Смотри, десять золотых. Даю впрок. По рукам? — продолжает Феликс.

Покупает меня. А она продает. Как корову на рынке, как сочную свиную ногу, как... Да, блин, как что угодно, но не живого человека!

— Двенадцать, — слышу бабкин голос. — На месяц.

— Тогда первый сегодня же.

Звякают еще две монеты друг за другом, выбив у меня из груди весь воздух. Да как же так?! Что теперь делать?

— На сеновал только подите, в избе разврат мне не нужен, — подливает масла в огонь бабка.

— Здрава будь, Карна, не волнуйся, не побеспокоим, — голос Феликса радостный до невозможности. Вот бы врезать поддых этому козлу!

Слышится скрип стула. Встает, гад похотливый. А я как бревно, с места не могу сдвинуться от страха и нерешительности. Сердце в груди бьется часто-часто, будто гонит меня прочь из этого дома. Вот только куда я пойду? Как смогу выжить одна в чужом для меня месте?

— Будь поласковой с ней, она хорошая девочка, — пеняет вдогонку ему Карна. Вот, спасибочки, позаботилась!

— А как же. Обласкаю со всех сторон, — хохочет Феликс.

**
 Визуалы**

Травкина Ева Алексеевна 26 лет, участковый терапевт

А это она же после того, как попала в другой мир. (Почему волосы позеленели узнаем в следующих главах)

О мобе

Книга стартовала в рамках литмоба

#Попаданка_познаётся_в_быту

Волшебный мир теряет магию, и Бюро сохранения магии отправляет в него девушек из реальности — каждая уникальна и способна вернуть гармонию. Вот только попадание далеко не идеально: одной везёт с поддержкой, другая оказывается в чужих обстоятельствах и даже чужом теле против воли. Девушки обустривают быт в новом мире, находят любовь, а у некоторых просыпается магия. Иногда их пути ненадолго пересекаются. Кто-то ищет причину исчезновения магии, а кто-то просто учится жить заново — в мире, где даже обычное рукоделие может стать волшебством.

Читайте 14 уютных историй о том, как попаданка познаётся в быту! Кстати, мир у нас один.

Читать тут: <https://litnet.com/shrt/PuCD>

Глава 2. Черная полоса

— Интересно, она девица? — слышу мечтательное бормотание Феликса и его широкий шаг по комнате к коридору, и у меня наконец отмирает.

Кидаюсь через кусты смородины на задний двор, протискиваюсь через брешь в изгороди. Зажав уши что есть сил, чтобы случайно не услышать никакой просьбы, бегу в потемках, не разбирая дороги. Продала меня, карга старая, за золото продала! Ну так что они думают, я покорно все сносить буду?

Да. Снесла бы. Ревела бы сама от отчаяния, а указания его выполняла. И что бы он там не захотел, пришлось бы. Теплится, конечно, надежда, что интима мое проклятье не касается, но настолько ничтожная, что проверять не хочется.

Я мчусь через кусты и поля, не разбирая дороги, пока нога не цепляется за заросли, и я не падаю на землю. Только лежа в сырой от осевшего тумана траве, понимаю, что уже в лесу. Но останавливаться нельзя.

Как медведица, с треском ломая валежник, я продираюсь вперед — туда, где, по моим представлениям, «подальше от деревни».

А потом на меня накатывает страх. Темно, почти ничего не видно, то там, то здесь что-то шевелится, потрескивает. Не то звери, не то призраки или чудовища. И вот уже мере-

щится огромная лапа неизвестного монстра. Я в панике лезу в малинник, рядом с которым случайно оказалась. Залезаю так глубоко, как только могу, и трясусь там, пока не начинается брезжить рассвет.

Продрогшая до костей от утренней свежести и росы, вылезаю из кустов. Видок у меня, конечно, плачевный: одежда изорвана, вся в царапинах и ссадинах. Вокруг роятся с оглушительным писком комары, обрадованные внезапно взявшемуся посреди леса мешку с кровью.

На глаза наворачиваются слезы, а на ум приходят только очередные проклятия в адрес придурочного агента, который наградил меня такой идиотской способностью. Я должна была помочь вернуть магию по его мнению, но могу разве что прятаться по углам и зарослям.

Люди, едва догадавшись о том, что я выполню любую их просьбу, тотчас начинают пользоваться мной без зазрения совести, потому что — а почему бы и нет! И чем дольше с ними живешь, тем больше они наглеют.

Карна ведь вначале тоже меня жалела, боялась, что перетружусь, но потом смекнула, что мои силы восстанавливаются, стоит мне как следует поспать, и пошло-поехало.

Полная безнадега. Понятия не имею куда идти и что делать. Где моя родная поликлиника с километровыми очередями и внеурочной работой? А ведь между прочим, это именно она во всем и виновата! Я бы ни за что так легкомысленно не согласилась «сбежать в другой мир», если бы

не была морально выжата до последней капли.

Впрочем, какой смысл размышлять надо всем этим. Я здесь и должна думать, что делать именно сейчас.

Оглядываюсь и понимаю, что поляна мне знакома: мы с Карной собирали тут землянику. Точно. Я срываю ветку с широкими листьями, чтобы отмахиваться от жаждущих моей крови злодеев, и бреду в сторону сторожки, надеясь, что лесные хищники улеглись спать.

Пока меня будут искать в деревне, я задержусь пару дней в домике лесничего. Все равно там никто не живет. Да, пожалуй, как временный план сойдет. А дальше будет видно. В одном я уверена точно — обратно в деревню я не вернусь.

Поплутав какое-то время по поляне, нахожу нужную тропу и бреду по ней уставшая и расстроенная. Довольно печально осознавать свое одиночество. Впрочем, мне не привыкать. В моем мире даже окруженная людьми, я тоже чувствовала себя одиноко.

Родители отвернулись от меня, когда я, наперекор их воле, выбрала медицинский вместо бизнес-образования и отказалась продолжать дело отца. Может быть, конечно, они просто обижались на меня тогда, а теперь, когда я пропала, переживают. Но я тут, и подать о себе весточку никак не могу.

А мой муж? Переживает ли он, ищет меня? Или думает, что я задержалась на свержурочных? Помню, как возвращалась домой под вечер, а от него только и слышала: «Зай, что

поесть? Ты купила что-нибудь? В холодильнике пусто...» И я послушно бежала в магазин, готовила, старалась угодить, хотя он работал посменно и часто целыми днями сидел дома.

А потом, когда я валилась без задних ног от усталости, он приставал: «Ну что, давай по-быстрому?» По-быстрому и получалось. Не помню, когда в последний раз испытывала удовольствие от секса. А Виталик, кажется, этого и не замечал.

Так что, если подумать, для меня мало что поменялось. Там мной пользовались все, кому не лень, и здесь то же самое. Размышляя об этом сейчас, я думаю, что мое проклятье не с потолка взялось. Неспроста наградил меня им засранец-агент.

Потихоньку лес редет, деревья попадаются низкие, чахлые, а некоторые и вовсе стоят сухими, поскрипывающими закорючками. Начинается болото. Под ногами кочки, поросшие влажным зеленоватым мхом, кое-где даже можно прыгать как на батуте, почва зыбкая и в некоторых местах ходит ходуном. Порой ветер доносит смолисто-хвойной запах можжевельника. Здесь по осени собирают клюкву, бруснику и еще какие-то местные ягоды.

Я прохожу болото и сворачиваю к реке, которая начинается далеко в горах и протекает как раз недалеко от сторожки. Ориентиры, которым научила меня Карна. Пройти мимо реки я физически не могу, она так и манит своей поблескивающей гладью и мелодичным плеском.

Подойдя поближе, сажусь на корточки и опускаю руки в чистую прохладную водичку. Какой же кайф! Мою зудящие покусанные руки и лицо, заодно пью прямо из ладоней, надеясь, что тут не плавают никакие холерные вибрионы или дизентерийные амебы.

Почему-то морально становится легче. Я жива, не досталась извращенцу-Феликсу, и обязательно что-нибудь придумаю. Еще повоюю, будьте уверены, мои дорогие родственники и знакомые! Да. Как-никак моя жизнь началась с чистого листа, и я должна ухватиться за эту возможность. А вот как стану тут крутой волшебницей, вернусь домой и тоже все поменяю в жизни. И с Виталиком разберусь. Не нанималась я в личные служанки, ишь, как пристроился хорошо!

Но на фоне прилива сил и воодушевления внезапно краем зрения справа, чуть ниже по течению, замечаю лежащего на отмели человека. Предчувствую неладное, и тот час накатывает острая потребность исполнить волю проклятья. Испуганно вскакиваю, зажмутив глаза. Бросаюсь обратно в лес, надеясь избежать встречи с новой бедой, что умудрилась настигнуть меня даже в этой глухомани. Спотыкаюсь, падаю на землю, невольно открываю глаза и вижу уже явно: человек лежит ничком, лицом в прибрежном песке без признаков жизни, а от него по воде тянется алеющий след.

— Проклятье! — Я до боли сжимаю кулаки. За что мне все это?!

Глава 3. Предательство

Илишан

Карета трясется больше недели и только сегодня наконец пересекает границу. Природа здесь, в отличие от империи, оживает: снег сошел, на деревьях наливаются почки. Но всю дорогу меня снедает тревога. По ночам не могу спать и только днем иногда смыкаю глаза, проваливаясь в зыбкий тяжелый сон.

Смотрю на своих радостно щебечущих племянников, и сердце сжимается болью. Мне страшно, что генерал не сдержит слово. Поиграет со мной как тигр с добычей, а потом нагонит и убьет всех. Или не убьет, а скажет, что передумал отпускать, и возьмет семью в заложники, заставив меня служить ему. Как это делал мой предыдущий господин, императорский советник.

Генерал Амрот*, цепной пес императора и монстр с силой богини зимы, тот, кто разрушил мою семью, почти умер вместе со мной, но вмешалась бестолковая девчонка из другого мира. Решила, что раз Всевышний наградил ее силой, способной успокаивать беспощадного Амрота, то она в состоянии изменить сердце этого монстра?

Я с вспоминаю ее молящий наивный взгляд, и раздражение прокатывается по сознанию. Глупая, глупая девчонка...

А я дурак. Повелся. Сейчас же прислушиваюсь к каждому шороху, вглядываюсь в каждую тень, меня трясет от страха и сожалений. Если бы я убил его тогда, если бы прервал наши жизни... .

То и дело встают перед глазами жуткие картины безжизненных тел детей, сестры, отца... Холодный липкий ужас скручивает внутренности, и я ежусь на сидении, стараясь отвлечься на оживающую природу за окном кареты.

Ни одна высокопоставленная шишка ни за что не упустит шанса получить больше власти. Это я знаю наверняка. Но вопреки себе, я доверился.

Ко мне прижимается младший племянник, задремавший у меня на коленях. Его ручонки касаются меня, и я вынырываю из пучины отчаяния. Все в порядке. Мы уже пересекли границу империи. Мы живы и свободны.

Я улыбаюсь и глажу мальчугана по волосам. Он немного крутится и закрывает глаза. Рядом со мной дремлет старшая племянница, напротив сидит сестра с мужем и держит двухлетнего малыша на руках. Следом за нашей каретой грохочет вторая с вещами и лежащим отцом, который совсем ослаб за последний год, а тут еще такая долгая дорога...

Мне знакомы эти места. Тут неподалеку протекает священная горная река. В ее водах когда-то я проходил магические практики с одним из учителей. Жаль только, что все, чему меня учили, не принесло пользы.

Карета подпрыгивает на кочке. В боку, правом бедре и

спине простреливает боль. Я стискиваю зубы. Не все раны после императорской темницы заживали хорошо. После того, как меня осудили за пособничество аристократу в его преступных деяниях, дознаватель решил, будто я не все сказал и что-то утаиваю.

Если бы не уговор с генералом, может быть, я до сих пор сидел бы под стражей и «наслаждался» обществом палачей. Но он сдержал слово тогда, освободил меня, дал нам денег, нанял извозчиков и кареты. Так, может быть, он правда отпустил нас?

От внезапных, все еще свежих воспоминаний опять делается зябко. *Холодный каменный пол, раскаленные угли в жаровне, клеймо на моем теле, плети, щипцы, иглы...* Я сжимаю левую руку в перчатке, на которой мне вырвали ногти, и боль в незаживших ранах усиливается, точно воспоминания воскрешают ее.

Тру виски пальцами здоровой руки и заставляю магию быстрее циркулировать по телу. Она помогает успокоить вновь нахлынувшую волну страха и тревоги. Все в порядке. Пока все в порядке. Мы выберемся и начнем новую жизнь. Вдали от империи и знати. А семья поможет забыть все, что со мной было. Мы поможем друг другу.

Просыпается старшая племянница, ей в этом году исполнится десять. Милая курносая девчушка, мамина помощница. Она зеваает, потягивается и поворачивается ко мне.

— Илишан, — важно говорит она, но в ее глазах блестят

задорные искры. — Ты же научишь меня управлять магией?
— Конечно, — без раздумий отвечаю я, и она прижимается ко мне, обхватив за плечо. Шрамы отдают болью вновь, но мне все равно приятно от ее тепла рядом.

Вот так и залечиваются раны на душе. Улыбками близких, их добрым словом, прикосновением. Неужели мне и правда больше не придется жить в тени словно призрак, неужели я могу в открытую быть с теми, кто мне безмерно дорог? Я правда свободен? Сестра улыбается мне, словно подтверждает мои мысли, и я улыбаюсь ей в ответ.

Ловлю хмурый взгляд ее мужа. Пожалуй, только он не рад моему присутствию. Впрочем, неудивительно. Из-за меня они пострадали. Это дети не понимали, что происходит, а сестра им не объясняла. А между тем, они не раз оказывались на грани. Чтобы надавить на меня, мой бывший хозяин частенько прибегал к шантажу или демонстрации силы. Сколько раз я узнавал о том, как наемник пьет чай в доме моей сестры. И чтобы убийца ушел, я должен был подчиниться беспрекословно, или усвоить урок.

Мне не было так больно и страшно, когда хозяин наказывал меня в гневе, не было так тяжело в сырых катакомбах на цепях, где я просидел полгода во время одного задания. Самым тяжелым и ужасным наказанием для меня было лишиться родных. Сестра — последняя веточка нашей несчастной семьи, и я обязан ее уберечь, чего бы мне это не стоило.

Останавливаемся на ночлег, когда начинает темнеть. Дети радуются свободе и бегают кругами с заливистым смехом, возникшие помогают сестре и мужу ставить палатку. Отец лежит на носилках в стороне и смотрит в небо. Думаю подойти к нему, но не решаюсь. Не хочется прерывать его умиротворение, да и ничем хорошим наши разговоры обычно не заканчиваются.

Пока все заняты, я отправляюсь на охоту. Мне везет, и совсем скоро замечаю прогуливающегося по траве селезня. Подстреливаю его из лука и беру тушку с собой. Прихрамывая, возвращаюсь к лагерю и ощущаю, что наконец страх за будущее потихоньку отступает. Вот только на его место встанет растерянность. Понятия не имею, с чего начать эту новую нормальную жизнь.

У лагеря слышу голос старшей племянницы:

— Мама, а дядюшка останется с нами?

Я замираю, чтобы не врываться в их разговор, и невольно улыбаюсь. Как же хорошо знать, что я наконец дома. Буду помогать им всем, чем смогу, научу девочку магии, может быть, она даже поступит в магическую школу и займет уважаемое место в обществе в отличие от ее дяди-неудачника.

— Нет, милая, — раздается голос сестры в ответ, и мое сердце замирает. По телу проходит волна холода.

По своей странной наивности я ожидал, что сестра предложит остаться. Я ведь посылал им деньги, терпел ради них грязные задания, пытки в тюрьме... Сестра многое знает, но,

может быть, ее это и пугает. Кто захочет жить под одной крышей с убийцей? И как я не подумал раньше? Конечно же они правы. Но все равно обида щемит в груди.

Я выхожу к ним с селезнем в руках, сделав вид, будто ничего не слышал.

— Как насчет утиной похлебки? — Я вкладываю в голос всю беззаботность, на какую способен. — Кто поможет ошипать?

Я смотрю на сестру, надеясь встретиться с ней взглядом, но она словно нарочно отворачивается.

После ужина, когда она заканчивает укладывать детей, я ловлю ее и предлагаю прогуляться. Мы не говорили наедине с самого отъезда. Она грустно кивает и выходит из палатки, ежась от холода. Я снимаю свой плащ с накидываю ей на плечи.

— Селения, ты плакала? Почему? — удивляюсь я, замечая ее покрасневшие глаза. — Жалеешь, что пришлось уехать?

Она кутается в мой плащ.

— Там была вся моя жизнь... — тихо отвечает она. — Не представляю, как обустроиться на новом месте.

— Я понимаю. — Подхожу к ней и обнимаю за плечи.

Моя родная, единственная связь с семьей. Я не уверен, что когда-нибудь смогу создать собственную. Она обнимает меня, и я вдруг ужасно хочу, чтобы она знала, как много значит для меня.

— Теперь мы свободны, — начинаю я. — Больше никто не ворвется к вам среди ночи, не возьмет детей в заложники, никто не будет следить за вами. Прости меня, сестренка, что я не стал достойным человеком, но я искренне люблю тебя и твоих детей. Я все для вас сделаю, чего бы вы не попросили. Но, наверное, мне не стоит жить с вами, если только первое время...

Я специально говорю сам, чтобы избавить сестру от этого бремени.

— Прости, Илишан. — Она обнимает меня крепче и начинает плакать.

— За что просишь прощения? — Приподнимаю ее голову за подбородок и здоровой рукой вытираю слезы на щеках. — Ты ни в чем не виновата.

Она качает головой и вновь прижимается ко мне. Бедная, моя любимая сестренка.

— Все будет хорошо, — шепчу я. — Теперь точно все будет хорошо.

— Да, — соглашается сквозь слезы она и повторяет: — Все будет хорошо.

— Обнимаешь мою жену, Илишан? — слышится едкий смешок позади. — Стоило мне отойти, а ты уже вьешься рядом.

— Она моя сестра, Гораций. — Я отпускаю Селению, и она отходит на шаг. Гораций всегда злится, когда я говорю с сестрой больше чем минуту. Ему кажется, что я даю плохие

советы или попрошайничаю. Хотя обычно именно я даю им деньги. — Почему я не могу ее обнять?

Тот хмыкает и кивает.

— Тебя отец звал.

Я захожу в палатку и под мягким светом магического камня подхожу к лежанке отца. Его пожилая сиделка уже спит без задних ног. Отец совсем ослаб, почти не двигается, но взор его остается осмысленным.

— До меня дошел слух, что ты позволил этому монстру с силой богини выжить, — начинает он, сверля меня тяжелым взглядом. — Хотя у тебя и был шанс уничтожить его.

— Это правда, — я соглашаюсь и невольно вспоминаю те минуты, как разрывало от боли тело и сознание, как тяжело было расстаться со своей пусть и ужасной жизнью. — Генерал раскаялся. И он любим своей молодой женой. Я не хотел разбивать ей сердце.

— Ты-то и не хотел? — зло бросил отец. — Неужели для тебя осталось что-то святое, Илишан? Ты же наемник без чести и совести.

— Простите, отец. — Я понимаю, что он прав, но все-таки не во всем соглашаюсь с ним. — Во время задания я не мог выбирать, а сейчас мог. Выходит, во мне не все мертво.

— Ты — худшее, что могло с нами случиться, — бормочет отец, заведя привычную песню. — Не смей просить сестру оставить тебя жить с нами. Она не откажет, но, поверь, никто не хочет видеть тебя рядом.

— Да, отец. — Я больше не слушаю его бурчание и выхожу на улицу навстречу прохладному воздуху и звездному небу.

Отец всегда ругал меня, но именно сейчас становится особенно неприятно. Выходит, в новой свободной жизни я остался один. Те, за кого я цеплялся, ради кого проливал чужую и свою кровь и отдал душу демонам, хотят, чтобы я ушел. Но их тоже можно понять. Я опозорил наш род, в отчаянии принял от жестокого аристократа помощь и, можно сказать, подписал добровольное рабство.

— Пошли, прогуляемся, — встретил меня Гораций.

Я кивнул и побрел за ним, пытаюсь собрать разрозненные мысли в кучу. Ладно, главное, что мы все целы. Пусть сейчас отцу и сестре тяжело, но ведь со временем все может перемениться: я изменюсь, и они признают меня.

А мы все идем вглубь леса непонятно куда.

— Думаешь, если заведешь меня в чащу, я потеряюсь и не вернусь? — окликаю я рвущегося вперед Горация. — Это смешно. Я доеду с вами, по крайней мере, до ближайшего города.

Гораций наконец останавливается, но стоит столбом спиной ко мне.

— Что собирался делать потом? — спрашивает он тихо. Тьма здесь почти кромешная, и свет от болтающегося на палке фонарика тонет в ближайших стволах могучих дубов.

— Не твоего ума дела. Но с вами жить не буду, не волнуйся.

Гораций разворачивается ко мне. Смотрит пристально, сдвинув брови.

— Я был бы безмерно рад, если бы ты навсегда исчез из нашей жизни.

— О, неужели хочешь убить меня? — шучу я. Конечно, Гораций не обладает никакими боевыми навыками. Я даже раненый без труда отобьюсь от него, и он прекрасно это понимает. Но ведет себя странно.

— Не я, — произносит он холодно, и в этот же миг слышится свист.

Правое бедро обжигает резкой болью. Стрела проходит насквозь. Я пытаюсь наколдовать хоть какую-то защиту, но не успеваю, вторая стрела пробивает правой плечо.

Я не выдерживаю и падаю на колени с коротким вскриком. Все-таки я еще очень слаб. Магия тоже не восстановлена достаточно, чтобы помочь мне действовать в условиях боя. Гораций стоит надо мной в двух шагах. А к нему из темноты выходят двое арбалетчиков. Я понимаю, что происходит, но не хочу верить. Идя следом за Горацием я ждал от него приблизительно того, что и от отца — колких фраз и просьб не появляться в поле зрения. Но не убийства...

— Мы с женой устали жить в страхе. Твое существование отравляет нам жизнь, — тихо говорит Гораций. — Не скажу, что это решение далось нам легко, мы же не убийцы как ты.

— Что? — Боль быстрыми волнами пульсирует в теле. — Селения знала?

— Ты уже разрушил нашу жизнь, — бормочет дрожащим голосом Гораций. — И вряд ли это закончится. Мы оба седые, у Селении больное сердце из-за тебя! Ты, вообще, представляешь, сколько слез она пролила за эти годы? Да она едва не умерла, когда забрали дочь! Почему ты не мог сразу все делать как надо? Прислуживать своему господину подобающе, чтобы нам не приходилось страдать?

Перед глазами всплывают воспоминания о тех днях. Мой хозяин злился, что я слишком долго не разбираюсь с неугодной семьей. Но там были дети, такие же маленькие, как у моей сестры. Я искал предлоги, чтобы убить только главу семьи и сохранить жизни детей. А потом ко мне привели племянницу...

— Гораций, я... — Я понимаю их боль и страх. Но ведь сейчас мы свободны. — Больше этого не будет.

— Люди не меняются. — Я вижу, как дрожат руки Горация, и едкая усмешка сама касается моих губ.

Глупый Гораций не ожидал, что будет так сложно лишить кого-то жизни. Думает, что убив меня, освободится. О, нет, все только начинается.

— Ты найдешь себе нового хозяина или он найдет тебя, — продолжает он. — Пока ты жив, мы будем в опасности. Стрела пробивает насквозь грудь. Я падаю на траву.

— Бросьте его тело с обрыва, — сипло командует Гораций.

Меня подхватывают под руки и тащат по кустам. Созна-

ние меркнет, магия мечется, пытаюсь справиться с повреждениями, но исцелить полностью не может, лишь продлевает мои мучения.

Я не вижу, куда меня несут, но в какой-то момент ощущаю легкий ветерок и невесомость. Желания жить не остается. Я прикрываю глаза и погружаюсь во тьму, ощутив напоследок вместе с болью в ранах ледяную воду, принявшую меня в свои объятия.

** Генерал Амрот - главный мужской персонаж моей книги Бежать от злодея. Он с рождения наделен силой богини, которая дает ему необыкновенные магические силы, но забирает волю, превращая его в беспощадного убийцу, жаждущего крови. Ознакомиться можно тут: <https://litnet.com/shrt/Plok>*

Визуалы 2

Илишан. Маг, бывший наемный убийца, 29 лет. Приблизительно так его представляет нейросеть:

А это уже Илишан после знакомства с нашей милой Евой)

А еще книга вышла в ПЕЧАТНОМ варианте в издательстве Руграм, перейти на магазин с книгой можно на страничке обо мне в рубрике "сайты": <https://litnet.com/shrt/p1ts>

Глава 4. Помогите кто-нибудь!

Ева

Я переворачиваю бедолагу на спину, и мне хочется выть. У него из груди торчит обломанное древко стрелы, бедро так же насквозь пробито, спереди выглядит черный наконечник. Порвана одежда, на животе и ребрах ужасные ссадины, будто его по камням протащило. Какие-то несвежие багровые полосы...

Его глаза закрыты, но веки чуть подрагивают, грудь все еще вздымается. Я рву его грязную рубаху и оцениваю расположение древка. Считаю пальцами приблизительный размер сердца и понимаю, что стрела где-то совсем рядом. Но точно не в сердце, иначе он бы сейчас не дышал. На бедре кроме стрелы еще и рваная рана, она-то и кровоточит.

— Так, спокойно... Спокойно... — бормочу я, а в груди клокочет проклятье, подталкивая меня помочь раненому. Но что будет со мной, если не смогу? Меня разорвет на части?

Приводить бедолагу в чувства прямо сейчас не вижу смысла. Встаю, скидываю с себя кофту, нещадно рву подол, кое-как перехватываю самые крупные раны. Здесь оставаться нельзя, тут я вообще ничего не смогу. До избышки лесничего можно добраться вдоль реки по тропинке, а можно... Да.

Я оглядываю берег, и неплохая идея приходит в голову. Я ведь могу пройти прямо по реке вниз по течению. Это всяко лучше, чем переть на себе эту тушу по лесу.

— Спокойно. Сосредоточься. Ты сможешь, — бормочу я и затаскиваю раненого обратно в ледяную воду, искренне надеясь, что его тело сейчас не пойдет ко дну, иначе все пропало. Ноги увязают в иле и цепляются за какие-то ветки. Но плевать, сейчас меня беспокоит другое.

Мне везет, и мужик настолько расслаблен, что держится на поверхности как поплавков. Вот только проблема — его голова то и дело норовит нырнуть в воду.

— Да что ж такое! — Я захожу по пояс и приподнимаю затылок мужика рукой. Он морщится, хрипит, но дышит. — Тебе пока везет, слышишь? Давай, держись, не вздумай мне тут умереть!

Конечно я говорю сама с собой, он не слышит. Иду осторожно спиной вперед, тяну раненого за плечи и приподнимаю его голову. Становится слишком неудобно, руки дрожат от перенапряжения, и я хватаю его за волосы. Да, так лучше. Должно быть это больно, но он не реагирует. Не могу рассмотреть его лицо: он грязный, в водорослях.

— Вот ведь... — злюсь я. — Не мог позже приплыть, когда я бы ушла?

В груди скребется чувство вины. Я ж врач, нельзя так говорить! Я ж должна спасать людей по доброй воле, а не из-за проклятья. Вздыхаю. Понимаю, что просто боюсь. Боюсь не

справиться, ошибиться, ведь он почти при смерти. А у меня ничего приличного нет, и скорую не вызовешь, наркоз не дашь. Нет, он точно помрет, не от ран, так от потери крови. Не от потери, так от сепсиса. Не от сепсиса, так от инфаркта или инсульта — оторвется тромб и все. Да сто пятьсот вариантов для кончины, вопрос только во времени.

Проваливаюсь по колено в ил, едва не топлю своего несчастного подопытного. Ругаюсь. Злюсь. Да что толку. Продолжаю тащиться. Течение подталкивает нас, помогает. Хоть что-то на моей стороне...

Вода ледяная, градусов десять, я стучу зубами непонятно от чего больше от холода или страха. Впрочем, наверняка бедолага жив до сих пор как раз благодаря холодной воде. Зато во время заплыва лицо бедолагы становится почище, и я понимаю, что передо мной довольно красивый молодой мужчина.

С горем пополам причаливаем к берегу неподалеку от избушки лесничего. Здесь раскидывается общипанная курами полянка и начинается задний двор.

Домик — старая развалюха, покосившийся забор, сарай кривой-косой. И вообще все тут как в стишке «скрюченная песенка». И я такая же скрюченная: не могу разогнуться, пока пружина на пригорке своего подопытного. Именно подопытного, не могу по-другому о нем думать, потому что сейчас вместо адекватной помощи буду ставить на нем эксперименты. Подручные средства в помощь.

Оставляя бедолагу на пригорке, забегаю во двор. Тут пасутся куры, меня встречает огромный песель, похожий на сенбернара. Вот бедный, так никто его и не забрал, когда помер лесничий. Пес меня нюхает, вспоминает, хвостом машет. Он старый, тоже скрюченный, как и все тут. Идет за мной следом. Я забегаю в дом, пролетаю ураганом по комнатам, кидаю в первую попавшуюся корзину все, что кажется полезным, и несусь обратно.

Сердце бьется глухо и тяжело, противно ноет. Я чувствую, что нельзя потерять мужика, иначе мне будет очень плохо. Правда, не знаю пока как именно. Но, похоже, скоро узнаю, ха-ха...

Плюхаюсь на колени рядом с ним, освобождаю его от одежды тупыми ножницами. Мне становится дурно. Ран множество. Свежие, старые... Теперь понимаю, что у него за багровые полосы — следы от плети или кнута. А еще ожоги. На нем попросту нет живого места. Но сейчас это неважно. Главное разобраться со стрелами.

Я кладу ухо на его грудь рядом с торчащей деревяшкой и вслушиваюсь. К сожалению, у меня нет фонендоскопа, поэтому слышу плохо. В основном быстрые и едва ощутимые удары сердца, которые даже подсчитать сложно. Дыхание тоже слышу, но медленное. Хрипов и бульканий не нет. Может ли это значить, что ему повезло и не задето даже легкое? Простукиваю пальцами по грудной клетке, но понимаю плохо, отчасти потому что мой собственный пульс оглушитель-

но стучит в висках и мешает нормально проводить перкуссию.

Чуть отодвигаюсь и протираю его лицо смоченной тряпочкой. Бледный, с расцарапанной щекой и виском с правой стороны. Его будто по кустам тащили. Откидываю с его лба волосы. Действительно молод. Это хорошо, шансов чуть больше. Так думаю, пока не берусь за торчащее в груди древко. Его надо вытащить, по-другому никак. Но этим я могу убить парня.

Руки трясутся. Мне не просто страшно, я в панике.

— Живи, слышишь, пожалуйста, живи, ладно? — Я глажу его по щеке. Не потому что во мне просыпается нежность, скорее, пытаюсь утешить перед смертью. Причем больше себя. Ему сейчас, судя по всему, на все по барабану.

Я несу еще какую-то чушь. Просто потому что не могу молчать. Понимаю, что без хирургического лечения ему крышка. Я вытащу стрелу, и кровотечение усилится. Меня трясет, перед глазами плывет. Я всего лишь гребанный участковый терапевт! Я не прогуливала хирургию и травматологию, на отлично сдала топанатомию, и я представляю, что нужно делать, но я ни разу не держала в руках ни скальпель, ни хирургическую иглу с нитью! А, ну да... У меня же нет ни скальпеля, ни нити. Ничего нет! Стерильная операционная, инструменты, перевязочный материал, ассистенты, наркоз... Да хоть бы какой-нибудь антисептик!

Вспоминаю про дедов самогон и несусь в дом. Нахожу

огромную бутылку в углу за печкой. Мутноватая дурно пахнущая жидкость с содержанием спирта сто двадцать процентов. Ну, конечно, я немного утрирую, но спирта в нем действительно очень много. Потому что, стоит мне только открыть пробку, как меня едва не выносит от одного запаха.

Прибегаю с бутылкой к моему бедолаге, снова падаю рядом с ним и осознаю, какой же это бред. Если я полью его раны этой адовой жидкостью, он умрет от болевого шока. Не подходит. Ничего не подходит.

Ставлю бутылку рядом с корзиной и мысленно возвращаюсь к ранам от стрел. Оставить эти сраные палки в его теле не вариант. Это дополнительная инфекция. Нет. Он не жилец. А вместе с ним и я. Чувствую, как начинаю задыхаться. Мне действительно становится хуже. Это или паническая атака, или действие проклятья.

— Помогите... — шепчу я, держу руками древко стрелы и пытаюсь понять, сломан наконечник или он внутри. Если внутри, то все бессмысленно. Надо найти в себе силы и... и облегчить его последние часы. А потом похоронить... И лечь рядышком. Перехватывает дыхание. Я сама едва дышу. Грудь будто сдавливает невидимой тяжестью и я шепчу: — Пожалуйста, помогите кто-нибудь.

Трясущимися похолодевшими руками тяну за деревяшку. Бедолага силно стонет, едва заметно дергается. Кошмар. Полнейшая безнадега.

Вдруг с легким пф-ф передо мной в воздухе возникает

агент БДСМ. Тот самый засранец с веснушками на щеках и носу, растрепанной огненно-рыжей шевелюрой. В розовой рубашке с золотыми звездочками, которая криво застегнута и не заправлена в штаны, будто он только что удрал от разъяренного мужа любовницы. Со своей омерзительно великолепной улыбкой в придачу, благодаря которой он и заговорил мне зубы, чтобы я согласилась пойти с ним в другой, будь он проклят, мир!

Песель глухо лает, но с места не двигается, едва приподнимает голову от земли. Тоже мне, охранничек. Покусал бы зад как следует этому рыжему злодею!

— Здравствуй, Ева, мое солнышко! — воркует агент. — Я уж и не думал, что позовешь!

— Кот, с*ка, мартовский, — цежу я сквозь зубы. — Что со мной будет? Этот мужик умрет. Умирает на моих руках! И я не виновата! Не я его изрезала и стрелами истыкала! Какого лешего мне расплачиваться?

Швыряю в рыжика мотком ниток из корзины.

— М-м-м... дай-ка подумать, — ловко уворачивается он, продолжая висеть в воздухе. — Возможно, твое сердце не выдержит... Я не совсем уверен.

— Не уверен он. — Я невесомо глажу раненого по груди, подступаю к стреле и снова убираю дрожащие руки. Не могу. Не могу и все тут.

В груди больно сжимается — не то нервы, не то сердечный приступ. И меня накрывает решимость. Если уж и подышать,

то на глазах этого бездаря. Может быть, хотя бы совестно станет. Хотя о чем это я, какая у него может быть совесть? В любом случае пусть смотрит, моя смерть на его руках!

— Ну тогда зря притащил меня сюда.

Я дергаю изо всех сил, вырываю древко с узким длинным наконечником. Раненый стонет, хрипит, хватается меня за бедро так сильно, что я невольно вскрикиваю с ним в унисон. Все, это конец. Но я все равно прижимаю руки к ране, сцепив зубы до скрежета, и надеюсь непонятно на что. Боль в груди усиливается.

— Ах, какая страсть, какая экспрессия... — восхищается рыжик, бесстыже разглядывая мои рваные мокрые шмотки и голые колени, а потом говорит: — Хочу тебе еще подарок сделать.

— Нет! Отвали! — кричу я и сильнее прижимаю рукой рану, из которой кровь так и хлещет. — Твои подарки добром не кончаются. Пошли нормального БДСМщика!

— Хм... вообще-то я нормальный, — важно говорит он. — И я дарю тебе способность. М-м-м.. скажем так: превращать алкоголь в магическое зелье! Да. Точно! Капни немного своей крови в этот напиток, и дай этому парню. Я чувствую, он был магом. С твоим зельем он ненадолго вернет себе магию, и она поможет ему восстановиться.

Он подлетает и, пока я пытаюсь осознать степень своего отчаяния, целует меня в лоб. Я ахаю, перед глазами мелькает яркая вспышка, слышу опять злосчастный пф-ф. БДСМщик

исчезает.

Понимаю, что других вариантов нет, убираю руки с раны, кладу на нее мокрую тряпку, а сверху первый попавшийся камушек.

Вытираю собственные кровавые руки, беру иглу и тычу себе в указательный палец. Больно, но кровь не идет. Конечно, вся кровь отхлынула из-за в небытие. Убираю иглу обратно в корзину и хватаю нож, которым думала резать нитки.

Порез обжигает, но это мелочи. Выжимаю от души свою кровушку в бутылку с самогоном, наблюдая, как алые капельки красиво растворяются в белой жидкости, меняя ее цвет на золотистый. Так, какая-то магия сработала. Неплохо. Остается надеяться, что сработает и на этом парне.

Но из горла трехлитровой бутылки ему не выпить в таком состоянии, я наливаю себе в ладонь и подсовываю ему в приоткрытый рот. Понимаю, что в рот попадает ничтожно мало и решаю передать по-другому. Просто чтобы быстрее. Бездумно. Я хлебаю жидкость, ожидая сладкий медовый вкус — ведь передо мной желтенькая магическая жидкость с нежным сладковатым запахом, а не дедов жесткий самогон. Но на вкус оказывается как самогон.

Я выплевываю жидкость, кашляю, горло хватает спазм. Блин. Меня тут же бросает в жар. Да парень помрет, если я дам ему это выпить. Впрочем, лучше призрачный шанс, чем никакого. Повторяю процедуру. Но теперь я готова и держусь молодцом.

Прижимаюсь губами к его рту. Чувствую шевеление его холодных губ, и меня осеняет: полезла целоваться к незнакомцу. Молодчина какая. Отстраняюсь и смотрю, как он рефлекторно глотает адскую жижу и морщится.

Ну ладно, думаю я, это почти как искусственное дыхание. Я просто спасаю ему жизнь. Пытаюсь.

Он вздрагивает всем телом, его окутывает голубоватое свечение, закручивается вихрями над раной в груди. Кровотечение останавливается, правда раны, к сожалению, не затягиваются.

— Не... Надо... Мне помогать, — вдруг хрипит он, дергается, из уголков его глаз вытекают прозрачные капли.

Бедолага. Я с удивлением ощущаю, как боль в груди отступает. Неужели мне повезло?

— Оставь... меня... — Он судорожно цепляется за мою руку, открывает глаза. Темно-серые, с пушистыми ресницами. Красивые.

Ну вот, он просит меня, а проклятье молчит. Могло бы и тут сработать. Правда, наверное, в том, что я понимаю, что ему действительно нужнее, и его «оставь» сработает когда-нибудь потом, когда он наконец выздоровеет и вернется в сознание.

— Нетушки! — бурчу ему в ответ.

А он бледнеет на моих глазах.

— Эй, не отключайся, слушай меня, пожалуйста, не умирай!

Глава 5. Что ей нужно?

Илишан

Жгучая резкая боль в груди накатывает снова, словно раскаленный клинок, вонзающийся в ребра. На грани реальности и забытья я ощущаю ледяной холод, сковывающий тело, а затем моих губ касается что-то мягкое, нежное, неуместное в этом агонизирующем мире. Я ничего не понимаю, разум тонет в тумане, но вдруг горло обжигает горькая жидкость, и магия вихрем проносится по венам, будто искры в сухой траве. Боль притупляется, отступает, но не исчезает.

— Не... надо... мне помогать, — хриплю я, голос ломается, как сухая ветка. — Оставь меня...

Мне некуда идти, и никому я не нужен, — думаю я, но сил говорить нет.

— Не отключайся, прошу, слушай меня, не умирай, — девичий голос, мелодичный и отчаянный, зовет меня, будто я ей родной. Но разве кому-то есть дело, жив я или мертв? Это бред, предсмертная иллюзия, не иначе. И все же... почему бы не поддаться? Почему не утонуть в этом обмане, где я хоть кому-то дорог?

Мои губы сами расплываются в слабой улыбке, а чьи-то руки тормошат меня, протирают тело влажной тканью, кто-то всхлипывает — так горько, с такой обидой и настоящей

болью, что мне отчаянно хочется утешить призрак, сотканный моим умирающим разумом.

— Не плачь... милая... я люблю тебя, — шепчу я, жалея, что не могу дотянуться и обнять это нежное создание, ведь оно — лишь плод моего больного сознания.

Прихожу в себя медленно и каким-то волнами. То я тону в белом пространстве, где надо мной склоняется силуэт, сотканный из золотистого света. Он шепчет, что мой путь не окончен и я должен кого-то спасти, кому-то помочь. То колыхнутся надо мной зеленые ветви, и легкий ветерок овеивает лицо, неся запах травы и земли. То тело охватывает нестерпимая боль, и я не могу сдерживать стонов.

То ласковые руки касаются меня — груди, плеч, лица, — и сквозь ноющую бесконечную боль я чувствую прилив крови, жаркий и стыдный, там, где в моем состоянии вообще ничего чувствовать не положено.

То перед глазами возникает лохматое чудище, его слюна капает на меня, и кажется, оно вот-вот разорвет меня клыками.

Иногда моих губ касается что-то теплое, нежное, как поцелуй, но тут же в горло вливается горькое, омерзительное варево, от которого я задыхаюсь, кашляю, но не могу отвернуться. Но после этого, правда, ощущаю ток магии. Первым, чему меня научили — регенерировать собственное тело. Довели эту способность до идеала, чтобы даже если я без со-

знания, моя сила лечила меня. А точнее сказать, не давала умереть. Чтобы вылечить тяжелую рану без следа требовалось очень много времени.

Порой я не ощущаю в себе магию, а порой она течет во мне с избытком. А потом в какой-то момент она просто исчезает, будто втягивается в невидимую воронку. И это не похоже на обычное истощение. Это что-то другое.

Иногда я слышу голос — звонкий, мелодичный, словно песня феи. И думаю: если ад таков, то он явно лучше моей проклятой жизни.

А потом я прихожу в себя окончательно. Просто открываю глаза и понимаю, что лежу в тени раскидистой яблони. Надо мной натянута полупрозрачная ткань, защищающая от насекомых, ее колышет легкий ветерок. Пахнет скошенной травой, щебечут птицы и стрекочут кузнечики. А еще я слышу тот самый мелодичный голос. Она поет, тихо, почти мурлычет, слов не разобрать, но мелодия льется, как ручей, успокаивая.

Пытаюсь приподняться на локтях, но слабость придавливает, словно камень. Лишь поворачиваю голову налево, надеясь разглядеть, где я и что происходит. Но никого не вижу. Только зелень и тени. Слышу частое дыхание справа, поворачиваю голову — боль пронзает шею, затылок, щеку, все тело, мир мутнеет. Замираю и делаю глубокий вдох. Взгляд проясняется. Рядом сидит огромный пес — лохматое чуди-

ще из моих видений?

Значит, и остальное правда? Закрываю глаза, сил нет. Лежу, пытаюсь собрать себя по осколкам. Воспоминания просачиваются, как яд, отравляя разум. Мне плохо. Боль не только в теле — в душе будто помойка. Кто я? Зачем выжил? Те, за кого я цеплялся, избавились от меня, как от паразита. Наверное, паразит я и есть.

Вспоминаю слезы сестры, слова Горация: «это решение не далось нам легко». Спасибо и на том. Видать, большего я не заслуживаю. Но я должен был умереть. Что же произошло? Меня протащили по кустам, бросили с обрыва в реку. Я помню это очень слабо. А потом... белое пространство. Словно я утонул, но не в воде, а в пустоте. Неужели Всевышний приготовил мне еще одно испытание перед вечными муками? Я был на пути к смерти. Кто же вытащил меня с того света?

Мелодичный голос приближается.

— Так, ну что у нас тут? Ах вы ж, мелочь злостная, пошли прочь!

Меня обмахивают чем-то легким, по коже на животе ползет что-то крошечное. Муравьи? Их лапки щекочут, но я не двигаюсь. Собираю остатки сил, цепляясь за тишину в голове. Если открою глаза, меня начнут расспрашивать, а говорить нет ни сил, ни желания.

— Полная катастрофа, — бормочет нежный голос, и я чувствую, как с ноги медленно отдирают повязку. Рана пульсирует, боль усиливается, но я лежу неподвижно. Терпеть я

умею. Не такое бывало. — Посмотри, лохмач, загноилась. Так и знала. Эй, я в тебя столько зелья влила, почему ты себя нормально не лечишь?

Ее голос сердитый и похоже обращен ко мне. Ощущаю, как что-то невесомое щекочет кожу на животе. Теряюсь в догадках. Приоткрываю глаза, и горло сжимает спазм. Она сидит полубоком, одетая в старое темное бесформенное тряпье, а ее зеленые волосы свисают на меня, лица не вижу, она смотрит на рану на моем бедре.

Зеленые волосы... Это все объясняет. Зачем спасла меня, тоже понимаю. Нет, я определенно неудачник. Проклятье на мне — пробыть в неволе до смерти. Вздрагиваю от резкой боли — она копается в моей ране.

— Тише, тише мой хороший, — шепчет она нежно, ее рука невесомо гладит бедро выше раны, и по коже бегут мурашки от ощущения неуместности ее действий.

Отчаяние вначале охватывает меня, а потом наступает безразличие. Я заслужил. Все это я заслужил. И ненависть семьи, и темницы, и мое нынешнее положение. Та, кто меня «спасла», судя по зеленым волосам, лесная веда. Магическое существо, похожее внешне на старуху с зелеными волосами.

Они заманивают путников мелодичным пением. В основном мужчин. Ставят на них свое магическое клеймо, и те, как привязанные, ходят везде за ними. Веды следят за болотами и любят лакомиться человеческой кровью. Говорят, они одурманивают попавших в их сети мужчин и играют с их

телями. Не знаю как, просто вспомнилось. Но похоже, мне предстоит узнать это в мельчайших подробностях.

Она продолжает промывать раны. А потом касается моего рта чем-то твердым, я чувствую сладковатый, похожий на мед, запах, сжимаю губы. Наверное, мои веки подрагивают, но она пока не предполагает, что я очнулся, иначе точно заставила бы говорить.

— Ох, опять... Ну нельзя же так постоянно, — бурчит веда. — Приходи поскорее в себя. Жаль, не могу зонд тебе поставить, это упростило бы все на свете. Ладно, где там моя тряпочка?

Слышу, что-то льется рядом, до меня снова доносится сладкий аромат, только будто издалека. А потом он оказывается у меня под носом. Моих губ касаются чужие пальцы. Я не выдерживаю, открываю глаза, отворачиваюсь.

— О, очнулся! — радуется веда. — Тогда выпей-ка глоточек.

— Не хочу, — сиплю я ужасным голосом.

— Это поможет скорее восстановиться. Давай же. Ладно, я рада, что ты наконец очнулся, но... Тебе предстоит долгий путь реабилитации.

Я хмурюсь, слово «реабилитация» режет слух. Что это значит? Так они называют рабство, в которое забирают мужчин? Я упорно смотрю на пса, что сидит рядом, его лохматая туша дышит тяжело, глаза блестят, как угли. Не знал, что веда держат питомцев. Хотя... «ручной» мужик — чем не

питомец?

— Просто убей меня, — выдавливаю я, не поднимая взгляда. Смотреть на лесную нечисть не хочу.

— Вот еще! — злится она.

Ее ладонь касается моей щеки, теплая, мозолистая, но с нежными пальцами, и мягко, но настойчиво поворачивает мою голову. Я невольно вскидываю взгляд — и замираю. Надо мной склоняется не старуха, как я ждал, а молодая девушка. Лицо милое, даже хрупкое, с острыми скулами и голубыми глазами — обычными, без намека на болотное сияние вед. Ничего не понимаю.

— Где я? — хриплю, а она убирает руку с пахучей тряпицей — видимо, собиралась выдавить из нее какую-то жидкость мне в рот. Изобретательно.

— Во владениях лесничего, — вздыхает она, поджимая на миг губы. — Он умер, а я... пока тут за него. Все старое, неудобное, кошмар. Но хоть что-то... Лучше, чем валяться в грязи на берегу, правда?

Ее голос дрожит, она теребит край своего темного тряпья. Молодая. Красивая. Что она забыла в этой глуши? И эти зеленые волосы... Может, все-таки веда? Но я не слышал, чтобы веды выглядели молодо.

— Пей, — тепло улыбается она, протягивая мне теперь металлическую кружку. И я отбрасываю мысли о ведах. У тех должны быть клыки. У нее клыков нет. — Это поможет тебе прийти в себя и начать двигаться. Знаешь ли, мне не

платят за работу сиделки.

— Что ты от меня хочешь? Зачем спасла? — мой голос звучит резче, чем хотел, но тревога грызет изнутри.

— Зачем... — она морщит нос, хмурится, в ее глазах мелькает раздражение. — Захотела и спасла!

Захотела. Ответ, как удар. Тревога вгрызается глубже. Нет зверя страшнее человека. Никакая веда не сравнится с жестокостью моего прошлого господина. Зачем этой живущей в лесу молодой девушке тратить на меня силы, время и средства? Что она задумала?

— Не слышу «спасибо». — Она снова улыбается, нежно, почти ласково, и это обескураживает. Даже голова кружится. Всевышний, уж и не помню, когда мне улыбалась женщина, кроме сестры. Увеселительные дома не в счет — там за монеты улыбаются всем. Но даже там я бывал всего пару раз. Не до этого мне было, да и мерзко это все.

— Тебе все еще слишком плохо, да? — Ее рука осторожно касается ран на моих пальцах. Сняла перчатку. Кошусь вперед, чуть приподнимаю голову. Вообще все сняла. На бедрах только тряпочка лежит. Всевышний, что ж ей надо-то от меня?

— У тебя есть семья, близкие? Тебя кто-то ищет? — спрашивает вкрадчиво. Зачем ей это? Узнать, будут ли меня искать?

— Нет, — вырывается раньше, чем я успеваю подумать. Ведь у меня и правда никого нет, и никто меня искать не бу-

дет. Смотрю на нее, и меня окутывает какое-то болезненное смирение. Пусть хоть ей нужен. Но узнать бы точно зачем. Просто подготовиться... Да, бороться за жизнь больше не хочу. За свободу тоже. Ничего не хочу.

— Ну ладно, — вздыхает она будто даже с сожалением. Странно.

Глава 6. Муж на час

Ева

Я, с одной стороны радуюсь, а с другой ужасно волнуюсь. Хочется подлечить этого бедолагу, поставить на ноги и выгнать подобру по здорову, пока он не узнал про мою дурную способность. Пока он лежит и хмурит лоб под своими тяжкими думами, я отправляюсь в избушку за перекусом. Хотя перекус у меня так себе. Крапивный суп с яйцами, вареные яйца. Еще есть свежие яйца, их можно пожарить или даже выпить сырыми.

Не густо, конечно, но и на этом спасибо большое куриной компании лесничего. Есть еще, конечно, остатки дедового кваса, но он уже больше похож на нечто живое и опасное, чем то, что можно пить человеку. Я сама до сих пор не решилась его хлебнуть. Да и вылить страшно: как начнет жрать все в округе и разрастется до размеров избушки...

Хлеба у меня нет, картошку надо откопать в огороде — да, я рассмотрела нечто похожее на картофельные стебли с высоты ветки яблони, на которую залезла вчера, чтобы осмотреть мои, так сказать, владения. Правда, пока не добралась до этого места. Но я на пути к этому.

Окидываю критическим взглядом дворик. Что ж, за два дня, пока мой пациент не приходил в себя, я нашла ржавень-

кий серп и срезала траву на пути к огороду. Уже можно пробраться туда не через заросли. Хотя и там все плохо. Курицы с петухами ни в какую не хотели мне помогать, продолжая общипывать уже полюбившийся им пригорок. И сколько бы я их не приманивала сочными колоссящимся сорняками, они максимум смотрели на меня как на дуру: возись де сама со своими зарослями.

Напоминаю сама себе Урфина Джуса из детской книжки, и как он боролся с сорняками. Только те сорняки были волшебными, а эти просто сорняки, которые, пользуясь слабостью старого лесничего, заполонили весь двор и огород. Хотя, кое-что все-таки объединяет мои сорняки с сорняками Урфина: некое полезное свойство.

Я обнаружила, что сок одного растения неплохо держит краску на волосах. Не так хорошо, конечно, как химическая краска из моего мира, но до мытья с мылом доживает. Обнаружила я это на собственных руках, пока пилила тупым серпом траву. Ну и решила от скуки попробовать покрасить волосы. Каково было мое удивление, когда шалость удалась!

Я подумала, что возможно мои зеленые волосы сослужат мне службу. Вряд ли в их мире в моде подобный окрас. Так что хоть бабок да молодежь в лесу отпугну в случае чего. Правда бродить по лесу не слишком хотелось. Мне вообще довольно жутко даже в разваливающемся, потрескивающем по ночам доме. Если бы не Лохмач с раненым бедолагой, наверное, я бы уже сдохла от тревоги.

А так я длинными темными вечерами отвлекалась на болтовню сама с собой (с Лохмачом и игнорирующим меня парнем), и на разглядывание вышеупомянутого игнорщика. Он и правда молодой и симпатичный. Если бы не его ужасные раны, можно было бы назвать его красавчиком. Я не знаю, кто он, но пока он пребывал без сознания, не вызывал опасений. Я даже с удовольствием ухаживала за ним, помыла его волосы и тело. Он казался мне спящим красавцем, вот только мои поцелуи с магическим самогоном не пробудили его ото сна.

И вот наконец мой бедолага приходит в себя. Наливаю все-таки своей диетической похлебки в миску, беру кружку, а также кувшин с водой и чистую тряпочку, укладываю все в корзину и возвращаюсь к своему пациенту.

— Как насчет перекусить? — бодро заявляю я.

Он смотрит тяжело взглядом, с подозрением. Его губы упрямо сжаты, будто я предлагаю ему не еду, а нечто преступное. Вздыхаю и отставляю корзину, присаживаюсь рядом. С ранами я еще не закончила.

— Просто оставь меня, — хрипит он, когда я тянусь к его ужасным ссадинам на боку.

— Раз сразу не оставила, то и сейчас не оставлю, — вздыхаю я и осторожно продолжаю промывать раны от скопившегося поверхностного гноя.

На улице мой пациент лежит из-за надежды на пользу свежего воздуха и бактерицидность ультрафиолета. Но, разуме-

ется, долго лежать под солнцем ему категорически нельзя, поэтому я оттаскиваю его периодически в тень.

— Что ты делаешь? — опять бурчит он, когда я мажу зеленой кашицей особенно нехорошие места.

— Подорожник накладываю.

Он опять хмурится. Я-прошлая, наверное, посмеялась бы над собой, если бы мне сказали, что буду лечить подорожником. Но вот он — перетертый в глиняной плошке, и я с важным видом намазываю им раны.

Перехожу к груди, потом мажу руку и возвращаюсь к бедру. Самое страшное. Оно выглядит так, будто не заживет никогда в жизни. Снова поднимаю тряпочку с ноги и мне в очередной раз становится дурно.

Нас приучили в универе не реагировать на наготу пациентов. Мы медики, а значит, тело человека для нас обычная работа. Своим спокойным видом мы помогаем больным справиться с неловкостью и довериться. Я стараюсь выглядеть именно так: собранно, спокойно. Хотя на самом деле я в ужасе.

Не из-за обнаженного тела, а из-за того, что на нем. Не хочу думать над тем, что стряслось с этим парнем, а также не хочу размышлять, за что с ним так обошлись. Хоть я и не видела прежде таких ран, но представляю, что могло их нанести.

И некоторые, явно крайние варианты приходят сами собой в голову и жужжат точно рой пчел: он преступник, сбе-

жал из тюрьмы, и это может означать, что он в качестве благодарности свернет мне шею, когда окрепнет. Или он — шпион какой-нибудь вражеской страны. Тоже логично, и тоже опасно для меня, ведь в таком случае его враги могут нагрянуть и сюда. И никто не станет разбираться, кто я такая.

— Довольно. — Он перехватывает мое запястье исцарапанной дрожащей рукой с воспаленными ранами вместо ногтей. — Не трогай меня. Просто уйди.

— Уйти? — Я борюсь с желанием изобразить жест «рука-лицо». — Не трогать?

Если бы я могла просто уйти! Но сейчас, даже не будь этого проклятья, я бы не смогла бросить его в таком состоянии. Впрочем, похоже он не понимает, что все еще на волосок от смерти. И этот волосок — я с моей волшебной настойкой!

— И что сделаешь, если трону? — Я стараюсь усмехнуться уверенно и спокойно. Порой больному лучше говорить очевидные вещи не влоб, а как бы издалека, чтобы он сам пришел к нужному выводу.

Парень смотрит на меня пристально, дышит тяжело и хмурится. В его взгляде читается тревога. Хм, не сработал мой приемчик...

— Зачем? — Его брови изгибаются, губы совсем белеют. — Что хочешь от меня взамен?

— Хочу, чтобы ты заткнулся и не мешал, — уже злюсь я. Не, ну правда, где простое человеческое спасибо? Что за дурак мне попался?

— Нет. — Он продолжает сжимать мою руку. Несмотря на раны, он все равно довольно силен, и это пугает. — Потом. Что ты хочешь от меня после?

— Чтобы свалил в закат живым и здоровым, — бурчу я. — Пусти и дай закончить.

— Нет, ты лжешь!

Я даже рот открыла. Ничего не понимаю. Хотя, наверное, он не в себе. Надо постараться его успокоить. Я улыбаюсь и мягко касаюсь его напряженной руки, которой он, наверное, мне уже поставил синяк.

— Не лгу, — терпеливо объясняю я, перейдя к самому простому варианту: «разжевать и в рот положить». — Ты нуждался в помощи, я могла помочь. Вот и все. Я просто помогу тебе выздороветь, и наши дорожки разойдутся.

— Так не бывает... — хрипит он. — Чтобы делали просто так. Ты ведь поняла: денег у меня нет. Значит, тебе нужно что-то другое. Что? Прошу, скажи сразу.

Его глаза перестают выражать недовольство и злость, скорее, лихорадочное отчаяние и страх. Я совсем теряюсь. Признаться, что я заколдована оказывать помощь любому, кто просит и нуждается в ней, нельзя, он может запросто воспользоваться этим. Но похоже все равно надо придумать что-то, иначе он не успокоится.

— Ладно, — сдаюсь я. — Хорошо. Твоя взяла. Мне нужен мужчина.

Он хмурится.

— Как муж на час, понимаешь? — улыбаюсь я, все еще пытаюсь пошутить и разрядить гнетущую обстановку.

Теперь он растерянно моргает, отводит взгляд, и щеки его внезапно розовеют.

— Я разочарую тебя, — хмурится он, не глядя на меня.

— Надеюсь, что нет, — радостно заявляю и намазываю рану подорожниковой кашей.

— Нет, лучше предупрежу заранее: я не искусен в подобных вещах, так что тебе лучше было бы поискать профессионала в борделе...

— Чего? — Я охаю. — Какой еще бордель?

— Сама же сказала, — тихо отвечает он и отворачивается, — «муж на час».

Теперь меня окатывает жаром с ног до головы, особенно если учесть, над чем я склонилась, чтобы достать до раны бедолаги.

— Скажи на милость, мужья только для развлечения нужны что ли? — бурчу я, пытаюсь как-то себя реабилитировать в глазах собственного пациента, а сама ругаю себя на чем свет стоит. Надо мозгами шевелить, прежде чем языком ворочать! Это у нас устойчивое выражение, которым и на объявления пишут. А тут, кто его знает, в каком смысле такое выражение используют.

— Нет, но... — Он моргает своими темными глазищами, поджимает губы, и отворачивается снова.

— Эй! Есть кто живой? — раздается вдруг зычный муж-

ской голос, и меня точно окатывает ледяной водой.

Глава 7. Доставка на дом

Илишан

Раздается мужской голос, девица вздрагивает, бледнеет, ползком, пригнувшись чуть не к самой земле, перемещается мимо меня ближе к яблоне, прижимается спиной к стволу дерева и хмурится. Беглянка, — смеаю я.

— Ого! — приближается голос. — Да ты никак траву покосил, Агапий. Лохмач, здоро́во! Где хозяин? Я вот только приехал, привез шмотья кое-какого.

Шаги по деревянной лестнице. Не могу повернуться налево, но понимаю, что человек зашел в дом. Видимо из-за тени деревьев он нас пока не заметил.

Девица обнимает себя руками, на ее лице напряжение и даже обида. Но не бежит, смотрит на меня так, будто я в чем-то виноват.

— Скрываешься от кого-то? — спрашиваю я.

Она кивает.

— Так беги.

— А ты?

— А я тут полежу.

Не понимаю, почему она спрашивает про меня, какое ей вообще дело? А, ну да, муж на час... Тьфу, опять в голове неуместные мысли.

— Мало ли, что подумают, — шепчет она. — Потом прибегут толпой. А мне... Мне пока некуда уходить. Если бы я тебя спрятать могла, тогда и сама бы тоже спряталась.

Теперь понимаю, боится, что выдам ее, следит. Хотя все равно странно. Уносила бы ноги, пока может.

— Агапий, где ты? — мужик выходит на улицу.

Девушка сжимается, с тревогой смотрит вперед. Да, найдет нас неожиданный гость, точно ведь найдет. Прикрываю глаза, ищу в себе магию. Ее опять нет. Пусто.

— Ты мне магию как-то восстанавливала, — шепчу я, пока мужик уходит за дом с другой стороны, судя по голосу.

— Да, зелье. — Она растерянно моргает.

— Дай еще.

Девушка резво подползает ближе, наливает в кружку блестящей желтоватой жидкости и протягивает мне. Я с огромным трудом привстаю на руках и позволяю напоить себя. Ужасно раздражает беспомощность, но я и правда еще слишком слаб. Впрочем, на небольшой фокус меня хватит.

Медовый запах оказывается обманчив и горло обжигает горечью, как от самого отвратительного алкоголя.

Кое-как делаю несколько глотков и ощущаю наконец прилив магии. Опять ложусь на землю и пока магия не исчезла и не отправилась лечить мои раны, закрываю глаза и призываю туман.

Отчего-то думаю о волосах моей странной спасительницы и окрашиваю туман в зеленый. Он поднимается от земли,

ползет из щелей дома, окутывает изгородь, кусты, просачивается везде. Безвредный, но впечатляющий. Для знающего — смехотворное зрелище, для неопытного — довольно ужасающе. Надеюсь, незванный гость не из магов.

Нам везет, и его вопль не заставляет себя ждать. Выкрикивая проклятья в сторону болотной нечисти, он убегает с треском по кустам, испугав ничего не подозревающих кур. Они с отчаянным кудахтаньем носятся по двору, парочка пробегает прямо по мне, явно напрашиваясь на ужин в качестве главного блюда.

Лохмач подвывает им, видимо взывая к порядку. А потом все стихает. Я рассеиваю магический туман, ощущая, как магия медленно утекает из меня, будто ее что-то высасывает. Значит, зелья хватает ненадолго.

Девушка подползает ко мне счастливая, глазки ее блестят, губы улыбаются.

— Ого как ты его здорово прогнал! — хвалит она, глядя на меня с восторгом.

А мне хочется умереть от стыда. Какой может быть повод для гордости, если лежишь без сил, голый да изуродованный перед хорошенькой девушкой?

Отворачиваюсь, чтобы не видеть ее лица. Надеюсь провалиться куда поглубже, но и это мне не под силу.

— Эх. — Она вздыхает и садится рядом. — Здорово-то здорово, но ведь побежит небось в деревню рассказывать. Только бы не привел никого...

— В деревне есть маги? — спрашиваю я, радуясь, что она вернулась к ране и больше не смотрит на меня таким восхищенным взглядом.

Мотает головой, заправляет за ухо волосы и макает палец в зеленую кашу.

— Раньше была магия, как мне Карна рассказывала, а сейчас она куда-то исчезла.

— Исчезла? Как давно?

— Я тут два месяца, а магии уже не было.

Хмурится, сжимает губы, мажет мои раны дальше.

— Два месяца, — повторяю я, понимая, что не стыкуется что-то. Да и время года... Тут разгар лета, а я ранней весной... Вспоминаю последний разговор с сестрой. Становится тоскливо. От меня просто избавились, как от мусора, а эта подобрала. — И все же, кто ты? Веда?

Уточняю на всякий случай, ибо вдруг мы не знаем о них что-то? Но если веда, то явно молоденькая и слишком наивная.

— Кто? — удивляется она.

— Ты человек или магическое создание?

В ране щипит, и она наконец отстраняется, видать, закончила.

— Человек, — теряется она.

— А почему волосы зеленые, как у болотной нечисти?

Она вдруг радостно улыбается.

— Хорошо, что ты так подумал, — любовно приглажива-

ет свои волосы, — я нарочно покрасилась, чтобы отпугнуть людей. Правда, это наверняка только старух да детей напугает...

— Зачем притворяешься нечистой? Беглянка?

— Можно сказать и так. Хм... Да, так и есть. — На миг ее лицо делается печальным, а потом она снова приветливо улыбается. — Но это неважно. Давай хоть познакомимся. Меня зовут Евалия... Кгхм... Можно просто Ева.

— Евалия, — привыкаю к новому имени.

— А тебя?

Не хочу произносить свое имя вслух, вообще не хочу, чтобы оно звучало. Это имя мне ненавистно. Очередное напоминание о моей бесполезной жизни. Родная семья заказала мое убийство, значит, и мага по имени Илишан быть не должно.

— Ну ты чего? — Она весело смеется, и я не понимаю причины ее веселья. — Забыл что ли? Бедняжка! Выпей еще моего зелья... Ах, не спился бы ты на дедовом самогоне! Ну так что, забыл, да? Если так, сейчас я сама тебе придумаю временное имя и буду звать, пока не вспомнишь. Так-так-так... Саня... Даня... Петя...

Такое меня не устраивает. Нечего прятаться, для нее мое имя пустой звук, не хватало еще прозвище получить или кличку. Мало ли, что означают имена, которые она сейчас называет.

— Илишан, — говорю я, а самого аж в холод бросает.

— Что ж, Илишан, будем знакомы. — Снова улыбается, и будто ее устами не так неприятно слышать собственное имя.

Прикрываю глаза, чтобы собраться с мыслями. Все как-то непонятно, странно. Точно ли я не брежу?

— Эй, подожди спать, — щебечет Евалия, пододвигается ко мне, просовывает руку под шею. — Давай, помогу подняться, тебе воды надо попить и хоть немного поесть. Чтобы поскорее восстановился. Я тебе попозже еще что-нибудь приготовлю из... Яиц.

Вздыхает и улыбается. Слишком приветливая, добрая и заботливая. Не к добру это. Я ведь так и не понял, что муж на час делать должен. И хоть тревога вновь закрадывается в голову, послушно приподнимаюсь на локтях. Перед глазами мутнеет.

Евалия зачерпывает ложкой похлебку и подносит к моему рту. Меня даже в жар бросает от этого. Она как с ребенком со мной. Нет, мне точно придется заплатить ей, возможно, я еще пожалею, что остался жив. Хотя какая разница... Остался жив или не остался. Моя жизнь больше не моя, ведь ничего я не хочу. Ни выздоравливать, ни идти куда-то, ни что-либо делать. Передо мной пустота, и в душе так же.

Но я продолжаю есть из ложки, повинуясь бережным рукам и сладкому голосу. И внутри тепло разливается от яичной похлебки. Вкусно. Сладко и горько одновременно. Горько от того, что таким безвольным стал. И сладко, потому что никто прежде обо мне не заботился. Сколько раз я оказывал-

ся в похожей ситуации, когда и встать не мог, но всегда оставался один на один с болью и самим собой. Лишь надежды о спокойной жизни родных поднимали меня на ноги, помогали выжить. А что теперь? Я жил лишь мыслями о своей семье, а сейчас у меня ничего не осталось.

— Очень больно, да? — Ее голос становится тревожным. Она вдруг убирает ложку, придерживает бережно за голову. Понимаю, что предательские слезы наползли на глаза, застилая взгляд.

— Нет, — говорю я, — просто от света слезятся.

Она протирает под глазами пальцами и улыбается. Ее губы так близко, что вижу каждую трещинку, ее яблочное дыхание касается моего лица. С ума сойти, как странно себя чувствую. И больно и хорошо, до неловкого хорошо. Жар окутывает меня и скапливается там, где я совершенно не хочу.

Мысленно проклиная свое тело. Я ж болен, едва на части не разваливаюсь, что происходит?! Понятия не имею, как исправить свое положение и просто жду, когда на меня наорут, обзовут развратником, кем-нибудь похуже и с криком убегут. Этого не случается. Я горю от стыда, а Евалия с невозмутимым лицом хоть и покрасневшими щеками докармливает меня из ложки, потом встает и уносит корзину с посудой.

Я пытаюсь успокоить дурное тело. Чего ему нейдет? Воспринял слишком прямо просьбу молодой отшельницы и уже готов приступить к отработке? Стиснул кулаки. Нет, со

мною что-то не так. Наверное, это ее проделки, ведь голова будто ватная, как бывает при опьянении.

Спокойно. Вдох-выдох. Я должен собраться. Мыслить здраво и отстраненно. В ранах щипала ее подорожниковая болтушка, слабость в теле не давала сосредоточиться. Вспоминаю ее покрасневшие щеки, и меня опять накрывает волной смущения. Нет, я определенно не в себе. Совершенно.

Она возвращается слишком рано, я еще не успеваю прийти в себя. Кое-как сажусь в надежде скрыть свой позор. Перед глазами мутнеет, руки трясутся, меня бросает то в жар, то в холод, раны болят с новой силой, слабость накатывает такая, что я едва не валюсь. Зато мое дурное тело наконец успокаивается. Отлично.

— Ох, ты что творишь? — бежит она ко мне, плюхается рядом, придерживает прохладной рукой спину.

Ее прикосновение точно обжигает меня, я дергаюсь.

— Прости-прости, — смущенно улыбается она и убирает руку. — Больно, да?

Не больно, это что-то другое, — думаю, но не говорю я.

— А наш гость вещички-то оставил, надо же как получилось: считай доставка на дом. Может быть, подберем тебе что-нибудь из дедового гардероба?

Я киваю. Голышом она меня не оставит — это радует.

И тут рядом с покосившейся плетеной изгородью справа от нас раздаются петушинные вопли: два молодых петуха сцепились в драке. Вообще шумные птицы: то кукарекают на-

перебой, то кудахчут так, что уши в трубочку сворачиваются. Теперь еще и это. От резких звуков я морщусь, а Евалия резко меняется в лице: поджимает губы, бледнеет, подскакивает и бежит к петухам.

Как есть, голыми руками кидается разнимать их. Те бьют крыльями, клюются. Она ругается, хватает одного, прижимает к себе и убегает, пока второй несется следом с истошным криком, распушив перья. С удивлением смотрю на ее сражение. Вместо того, чтобы разогнать метлой глупых птиц, она бежит кругами по двору, крича ругательства в адрес какого-то «бдсмщика». В конце концов забегает в дом с петухом на руках, закрывает дверь. Теперь оттуда слышны ее и петушины возмущения. Думаю, что наверное, зарежет. Но нет. Когда все стихает, открывается дверь и на улицу выходит помятый недовольно кудахчущий петух.

Глава 8. Прелести уличного душа в лесу

Ева

Едва не плачу, промывая на руках царапины над покосившейся раковиной на кухне. Больно. Но больше обидно. Отхлестать бы этих тупых петухов или вообще проигнорировать — поклевали бы друг друга малость, да разбежались. Но нет! Из-за проклятья весь сок достается мне. Видите ли помочь должна была бедолажкам. Кто тут еще бедолажка? Почему себе я помочь не могу?!

Вздыхаю и сползаю спиной по стене. Передо мной кухонька с маленькой печкой и железным листом вместо плиты, добротный дубовый стол и два стареньких шкафчика без дверей с кухонной утварью. Три кривые, ненадежные табуретки. Местечко просто мечта. Но лучше чем в кустах малины в лесу и лучше, чем на сеновале с Феликсом. Меня передергивает. Он, конечно, мужик видный, но не хочу становиться безвольной игрушкой.

Тоска обволакивает меня как покрывало, я подтягиваю колени к груди и обнимаю их. Вспоминаю мужа Виталика и думаю, вот бы он обнял меня сейчас, промурчал свое «зай, ну ты же такая кислая». Хотя, это максимум, на что он был

способен. Даже когда я жаловалась, как ужасно устаю, все что слышала в ответ: ну пойди полежи, сама ж такую работу выбрала, могла бы в менеджмент пойти, сейчас бы фирмой управляла, ну и т.д., и т.п.

Делается совсем тошно от своей жизни. Нет, лучше не думать. Сейчас есть проблемы более насущные. Вдруг слышу с улицы неясный подозрительный звук, будто что-то упало, потом возмущенное кудахтанье. Поднимаюсь, выхожу на крыльцо и вижу: Илишан лежит лицом вниз не в том месте, где я его оставила. Пытался встать, потерял сознание?

Тревога вспыхивает, проклятье противно свербит в груди, я подбегаю к нему, кое-как переворачиваю на бок. Он морщится, тяжело дышит и часто моргает.

— Ну куда ж ты? Позвал бы меня. — Я оттаскиваю его обратно на лежанку. — Что ты хотел?

— Я и сам могу, — бурчит он недовольно. — Оставь меня. Ага, как же, может он. Но я б его оставила, не будь на мне проклятья. До сих пор ведь не услышала ни одного доброго слова, хотя ужом вокруг него выюсь. Послать бы его к лешему или кикиморам, но ведь проклятье это мерзкое... Сама себе противна.

Впрочем, неважно. Моя задача поднять его на ноги, дать уж пару заданий, чтобы перестал ко мне цепляться со своими странными фразочками, будто мне от него что-то надо, и отправить куда подальше. И чем быстрее он уйдет, тем лучше.

Правда, что делать одной, я пока не представляю. Чув-

ствую себя бомжом. Ни еды нормальной, ни денег, ни вещей. Живу в заброшке. Про гигиену молчу. Я уже вся чешусь, так помыться хочется. Но речка слишком холодная, разве что ноги сполоснуть. А вот голову страшно. Еще заболēju, кто меня-то лечить будет?

Оставляю своего противного пациента в тени и ухожу. Стараюсь не думать о плохом и прикидываю, что делать. Баню топить я боюсь: она так покосилась, что кажется, будто вот-вот рухнет. Да и не умею я. Но на улице сейчас тепло, так что подойдет и уличный душ. Для своей задумки нахожу в почти развалившемся сарае деревянное ведро и инструменты. Ручным сверлом за пару мучительных часов просверливаю несколько дырочек в дне. Потом как следует отмываю ведро в речке.

Вооружаюсь топором и срубаю прочные прямые ветки. Выбираю местечко у изгороди рядом с зарослями не то сливы, не то вишни, чтобы в глаза моя душевая не бросалась. Вкапываю палки поглубже в землю, пристраиваю ведро с дырками так, чтобы под ним можно было спокойно встать, и обматываю всю эту красоту плотной тканью. Весь день уходит на устройство душа, зато теперь я смогу помыться.

С утраца завтра натаскаю воды в корыто и оставлю на солнышке. К вечеру должна нагреться. И на печку еще кастрюльку поставлю, вскипячу. Эх, прелесть!

Весь день мой подопечный ведет себя тихо. Несколько раз отмечаю, что он на четвереньках уползает к кустикам. Что ж,

физиологические потребности никто не отменял. К счастью, он справляется сам, нигде без сознания не падает, так что и мое проклятие помалкивает. Иногда самой хочется подойти и просто спросить как дела, но не решаюсь.

Меня никогда не смущали пациенты ни своим обнаженным видом, ни шуточками ниже плинтуса, а рядом с Илишаном чувствую себя неловко. И дело вообще не в том, что я видела его во всей красе, да и шуточек он не отпускает. Дело во взгляде. Он смотрит так, будто я не спасла его, а наоборот угробила, или обязательно сделаю это чуть позже, а пока придумываю план поизощреннее. Невольно чувствую себя виноватой. И меня это бесит. Как улыбаться тому, кто считает меня вселенским злом?

Вечером объясняю Илишану, что надо перебраться в дом, потому что ночью на улице страшно, темно и все остальное. Он соглашается и пытается встать. Кстати, новенькие дедовы шмотки ему идут. Он даже выглядит в них прилично, насколько это возможно в лесной глуши. В отличие от меня. На мне рваное платье и бесформенные штаны. Но нам не до красоты. Не на подиуме в конце концов.

Илишан еще слишком слаб, подняться ему не удастся. И мое проклятье буквально толкает к нему и заставляет подхватить под руку.

Он молча сверлит меня уничижительным взглядом, а я чувствую себя последней злодейкой. Но делать нечего, так и плетемся.

Ему тяжело наступать на больную ногу, и он наваливается на меня, когда приходится на нее опираться. Предлагать ему ползти, как он делал это днем, как-то неловко, и я с трясущимися под его тушей ногами, тащу его в дом. Если бы не сраное проклятье, оставила бы его, нашла палку для опоры, только потом вернулась бы и помогла. Но проклятье требует моего вмешательства здесь и сейчас. Без всяких отсрочек. Бесит неимоверно...

Мы едва не валимся, пока я, скрипя зубами, открываю дверь. Но Илишан успевает вцепиться в дверную ручку. Он удерживает нас от падения, но придавливает мои пальцы. Я тихо мычу.

— Прости, — хрипло говорит он первое за полдня слово.

— Все в порядке, — бормочу я.

Мы забредаем-таки в мои хоромы, и наконец Илишан перестает виснуть на мне.

— Ау-у-у, — раздается жалобный скулеж позади.

Я оборачиваюсь и вижу в открытую дверь голову пса. Лохмач сидит у ступенек крыльца и смотрит на меня умоляющим взглядом.

— Seriously? — бормочу я и выхожу к нему. — Вообще-то ты и сам можешь. Только вчера помогал тащить нашего пациента.

Тревожно оглядываюсь. Не задела ли я ненароком чувства вышеупомянутого пациента? Но тот будто не слышит, опускается на пол, помогая себе здоровой рукой о стену.

Лохмач стоит на своем. Скулит жалобно, лапки на первую ступеньку положил, хвостиком виляет. Ишь, тоже захотелось, чтобы его потаскали. По-хорошему надо игнорировать. Но стоит мне отвернуться, как проклятье издевательски начинается скрестись внутри: «Помогу несчастному песику, видишь, как ему тяжело!». Вздыхаю. Делать нечего, и через пару минут моя несчастная поясница проклинаяет меня, а в особенности агента БДСМ.

Я сажусь на крыльцо, вдыхаю. Довольный Лохмач облизывает мои руки и лезет в лицо, пока я сижу и пытаюсь отдышаться. Впихиваю Лохмача в дом, захожу следом. Встречаюсь взглядом с Илишаном. Он смотрит с насмешкой. Весело ему отчего-то... Ну пусть веселится.

Запираю двери, зажигаю вторую лампаду приспособлением типа огнива, как меня научила Карна, счастья-здоровья противной бабке! В крошечной тьме ночью остаться не хочется. Прихожая у деда большая, тут я в принципе и спала, в комнату не ходила. Там бардак жуткий, по всем правилам Плюшкина. А на скамьях спать мне не привыкать, у Карны тоже так было.

— Спать будешь тут, — указываю Илишану на лежанку из старых вещей на полу. Для него у меня персональной скамьи нету. Он, впрочем, не обижается. Но и спасибо не говорит. Молчун. И чурбан.

Сама устраиваюсь на своем почти царском ложе. Прикрываю глаза и понимаю, что хочется поболтать перед сном, как

делала это, когда Илишан валялся без сознания. Однако сейчас он в сознании, говорить так же не стремится, но точно ведь будет осуждающе смотреть, если начну беседу, а то и вообще не повернется. Нет уж.

За дверями раздается отчаянное кудахтанье. Илишан садится и напряженно всматривается в сторону двери. Я хмыкаю.

— Лиса, наверное, в курятник притащилась. Вчера тоже самое было. Вот дойдут у меня руки, сделаю укрепление, чтобы кур не таскала, — говорю я бодро, словно самой не страшно. А мне страшно, но я заставляю себя думать, будто куры сами подрались за место. И вроде как работает — проклятье не заставляет меня бежать наперерез к мелким лесным хищникам. А может быть потому не заставляет, что не вижу своими глазами.

Илишан смотрит на меня тяжелым взглядом и укладывается на бок.

На самом деле я рада, что он тут, пусть даже такой хмурый и мрачный. Без живой души в этом месте привыкать было бы слишком тяжело. Избушка лесничего — совсем не то жилье, о котором я мечтала. Наверное, квартира на первом этаже с видом на кладбище казалась бы менее жуткой. Я боюсь леса. Вернее боюсь его темноты и хищных зверей, который могут там прятаться.

Ночь проходит спокойно, следующий день тоже. Я опять варю яичную похлебку, на этот раз с картошкой, чему безум-

но рада. Скучаю по молоку и сыру. Но это если только куриц подоить, больше взять неоткуда. Пытаюсь придумать такую дверцу в курятник, чтобы курицы туда пробирались, а хищники нет. Но пока ничего дельного в голову не приходит. Что ж, придется заплатить дань лесным зверям еще парочкой вредных птиц.

Особенно одну бы отдала. Пеструю с белым хвостом. Она вечно лезет под изгородь, застревает там и орет истошно. Я, естественно, вытаскиваю ее. И половину петухов не жалко, достали уже. Я часто слышу, как они дерутся, но вот вчера это случилось на моих глазах и пришлось их растаскивать. Синяков и ссадин наставили на руках!

Илишану лучше. Он сам разбирается с ранами, сам добредает до сельского туалета и обратно плетется в гордом одиночестве, повисая на изгороди, которая так трясется, под его весом и шатается, что у меня сердце холодеет при виде этого зрелища. Кажется вот-вот и рухнет этот бедолага с остатками изгороди в крапиву. Но каким-то чудом и бедолага, и изгородь с крапивой все еще держатся.

Говорим мы мало. Он вообще больше приунывает, тоскливо смотрит перед собой или молча наблюдает за мной. Разговорить его сложно, улыбку вызвать еще труднее. И ничего он не хочет. Ест-пьет из-под палки, магическое зелье тоже с боем. Я от него устаю больше чем от работы в огороде.

Но неважно, не хочу лезть к нему в душу, да и не имею права. Главное подлатать его и сплавить. Но и мне куда-то

надо деваться, хотя признаться обжилась тут. Какая-никакая, но крыша над головой.

Еще, конечно, побаиваюсь деревенских. Хоть они не приходят, но это не значит, что не придут позже.

Зато за мои старания вечером меня ждет теплый душ. Наконец-то. Нашла, во что переодеться: рубаха серая холщовая, да штаны вроде бы неношенные. Собираю в корзину чистую одежду, полотенце, кусочек мыло, иду довольная. Притаскиваю табуретку из дома и наливаю в душевое ведро теплой водички. Из дырок в ведре тут же течет. Я стягиваю наконец грязное белье и быстро-быстро мою кусочком мыла, смыв и зелень с волос. Завтра обязательно надо будет покрасить снова. Заканчиваю раньше, чем успевает израсходоваться вода, и я стою закрыв глаза, под струями, которые ласково касаются моего тела. Просто невероятное блаженство!

Слышу шуршание травы рядом, что-то мягкое касается моей стопы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.